

Я человек смешной, и ничего обидного в этом не вижу

Телевизионная карьера обаятельнейшего Павла Любимцева («Путешествия натуралиста», НТВ) началась в программе «Живые новости», где в качестве ведущего небольшой рубрики «А вы знаете, что...» за одну минуту он должен был рассказать нечто любопытное о каком-нибудь животном. После дефолта 1998 года «Живые новости» приказали долго жить, но через год с небольшим Любимцеву предложили сделать авторскую программу о животных. Так и появились

«Путешествия натуралиста», прошлой осенью удостоившиеся высшей награды телевизионного сообщества — премии ТЭФИ. Любопытно, что для Любимцева телевидение — всего-навсего нечто вроде хобби. Ведь основная работа Павла Евгеньевича — заслуженного артиста России, лауреата всероссийских конкурсов артистов-чтецов — Московская филармония, в которой он дает литературные концерты, и Щукинское театральное училище, где он преподаёт актерское мастерство...

Павел ЛЮБИМЦЕВ:

К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ В ЦЕЛОМ Я ОТНОШУСЬ

СКЕПТИЧЕСКИ

Каждое живое существо по-своему привлекательно, и наблюдать за ним, за его поведением очень интересно. А главное — они не бывают плохими

— Павел, не так давно вы вернулись из Китая. Эта поездка, надо думать, была связана с «Путешествиями натуралиста»?

— Совершенно верно. Мы снимали в Гонконге, Шеньчжэне, Гуанчжоу, Пекине и набрали материала на шесть программ. Это была очень любопытная поездка, с нами постоянно что-то случалось, но, к сожалению, большая часть впечатлений, попав в «Путешествия...», уже почти стерлась из памяти. Ведь в Москве у меня много других дел, и сейчас эти события я вспоминаю так, будто они происходили не месяц, а год назад. Так бывает почти всегда: ведь перерывы в наших командировках совсем небольшие — месяц-полтора.

— И как животные реагируют на снимающую их камеру?

— Иногда она вызывает любопытство, но чаще всего, особенно при съемках с большого расстояния, они камеру просто не замечают. Хотя во время последней поездки в одном из зоопарков произошел довольно забавный слу-

чай. Мы снимали золотистых ринопитетов — это довольно редкие обезьяны, о существовании которых европейские ученые узнали только во второй половине XIX века. Оператор приставил камеру вплотную к клетке, в которой жило обезьянье семейство. И детеныш, которого этот большой черный, с мигающей лампой предмет явно заинтересовал, тут же побежал общаться. Он просовывал лапку через решетку, пытался схватить камеру, тыкал пальцами в стекло объектива. А его родители, напротив, поглядывали на нас с опаской и в конце концов набрались смелости и оттащили свое чадо.

— В кадре вы очень непринужденно и легко общаетесь с животными. Всегда ли они отвечают вам взаимностью? Не доводилось ли в процессе съемки оказаться жертвой чьих-нибудь зубов или когтей?

— Видимо, животные чувствуют, что я к ним хорошо отношусь, поэтому обычно меня не обижают. Правда, два года назад на острове Бали один от-

чаянный попугай сначала цапнул меня за палец, а затем клювом, как ножницами, срезал пуговицу с моей куртки. А месяц назад в зоопарке Гонконга меня основательно поклевал даурский журавль. Это было во время их брачного периода, и, когда я вошел в вольер, он на меня бросился, охраняя свою территорию.

— Более опасные животные на вас никогда не нападали?

— Однажды во время съемок наша машина «нос в нос» столкнулась с разъяренным слоном. Оказывалось, в брачный период самцы-слоны становятся чрезвычайно раздражительными и агрессивными. У них даже выделяется на висках жидкость из специальной железы. И вот такой слон отнесся к нам очень нелюбезно. Топал, размахивал ушами, тяжело дыша, пер на нас. Обстановка была, надо сказать, довольно нервной. Мы сидели затаив дыхание. Но потом машина, видимо, ему надоела или слон решил с нами не связываться и ушел прочь.

— И все это вы не только стерпели, но и с нежностью вспоминаете... Интересно, откуда у вас такая любовь к братьям меньшим?

— Животные — это моя самая первая любовь. Я в детстве страшно интересовался животными. Постоянно ходил в зоопарк, читал много книжек о животных, рисовал их. Мечтал стать зоологом. Потом все это ушло, потому что, думаю, мой интерес был книжным, любительским.

— Вы, наверное, хорошо показывали животных, когда учились в Щукинском училище?

— Вы знаете, не очень. Я вообще насчет наблюдений был не очень успешен. Вот Костя Райкин замечательно это делал, а также Лёня Ярмольник: на мой взгляд, гриф — одна из его самых лучших ролей.

— Одна из главных особенностей программы — ваш весьма неординарный экранный образ. Как этот имидж был найден, и легко ли вы в него вживались?

— Никакой это не имидж. Точнее, в нем выделены неко-

несколько не боюсь выглядеть смешным. Более того, мне кажется, что и успех передачи во многом связан именно с тем, что я не играю кого-то другого, а остаюсь собой.

— Если бы вас пригласили на охоту, вы бы пошли?

— Ни под каким видом. Конечно, охота — древнейшее человеческое занятие, и, кстати сказать, настоящие охотники животных весьма любят и хорошо понимают, хотя и стреляют в них. Но я этого не приемлю.

— Ваш коллега с ОРТ Николай Дроздов в одном из интервью рассказал: как-то, возвращаясь из Индии, он засунул за щеку приглянувшуюся ему дикивинную лягушку, чтобы избежать сложностей с таможней. А вы на такой подвиг любви к животным способны?

— Если это не ядовитая лягушка (а бывают и такие), то ничего чудовищного в этом не вижу, никакой это не подвиг. Главное — чтобы лягушке было удобно.

За щеку мне никого засовывать не приходилось, но брать в руки змей, ящериц, лягушек приходится постоянно, и я не понимаю, почему люди этого так боятся.

— Разве не противно?..

— Мокрое мыло, когда вы его берете в руки, вас не пугает. А чем оно принципиально отличается — ведь сделано из жиров мертвых животных? Так что это все наши стереотипы.

Общаясь с животными, я понял, что они вовсе не такие уж свирепые и опасные. В Праге я щекотал носорога шариковой ручкой. Он подставлялся, как кот, которому чешут за ухом. В парке крокодилов в Израиле я носил на руках маленького аллигатора. Хозяин объяснил, как его держать — за шею и хвост. Но пока я что-то рассказывал, он все время выдирался из рук. А когда я отдал его обратно хозяину, тот запросто посадил крокодила себе на шею, как домашнего кота: вот что значит хорошее знакомство.

— Какой же след в вашей душе оставило общение с крокодилами?

— Ну они очень милые, симпатичные... Даже и не знаю, что еще о них можно сказать. Ведь крокодил не менее красив, чем павлин. Каждое живое существо по-своему привлекательно, и наблюдать за ним, за его поведением очень интересно. А главное — они не бывают плохими.

— Раз уж мы упомянули все имя Николая Дроздова, то интересно было бы узнать: каковы отношения между вами и вашими коллегами по цеху — Дроздовым, Затевахиным? Кто вы: друзья или конкуренты?

— С Затевахиным мы иногда встречаемся в лифте в РИА «Новости», где озвучиваются наши программы, и всегда весьма дружелюбно здороваемся. С Николаем Николаевичем мы не знакомы, хотя недавно мне передали от него привет. Я отношусь к ним с искренним восхищением, они замечательные специалисты и зоологию знают, конечно, лучше меня. Я не считаю их конкурентами, потому что живая природа — тема неисчерпаемая, ее

хватит на всех. Что же касается особенностей передач, то они у каждого свои. И в «Диалогах о животных», и «В мире животных» постоянно используются съемки на природе; мы такого позволить себе не можем и показываем то, что в принципе может увидеть каждый, зато у нас есть эффект присутствия. Нашу передачу отличает интонация. Я, конечно, стараюсь не врать, но думаю, что какие-то ошибки иногда все-таки делаю и что настоящий специалист мог бы поймать меня за руку. Зато только в «Путешествиях натуралиста» можно позволить себе, снимая передачу в Израиле, закончить ее стихотворением Пастернака «Вифлеемская звезда».

— Присутствует ли в программе момент импровизации?

— Конечно. Ведь я не пишу тексты от слова до слова, а только намечаю в общих чертах, о чем буду говорить, да и то если на это есть время. Потому что, приезжая в зоопарк, мы чаще всего не знаем заранее, кого будем снимать, какое животное будет спать, какое — бодрствовать. Я всегда привожу с собой большую сумку с книгами, блокнотами, выписками, и в течение нескольких минут — до того, как будет включена камера, — я должен сообразить, как своими «припасами» воспользоваться.

— А как вы относитесь к нашему телевидению в целом? Пару лет назад в одном из интервью вы сказали, что «оно кошмарное, неталантливое и по большому счету безразличное». После получения вами в прошлом году ТЭФИ что-нибудь изменилось?

— Нет. Ведь само телевидение за это время никак не изменилось. Все те же дегенеративные викторины, тошнотворная реклама, политики, циники, воры... Я не хочу сказать, что у нас нет хороших программ. Но их очень мало. Иногда кажется, что мы дружными рядами начинаем сходить с ума. Вот сейчас все свихнулись на рейтинге. Рейтинг не имеет никакого отношения к качеству программ, это совсем другое — коммерция, размещение рекламы. Но если высокий рейтинг, к примеру, у программы «За стеклом», то находится в одной компании с ними, на мой взгляд, непристойно.

Да и, в конце концов, не все же должно покупаться и продаваться. Телевидение не должно забывать о своей просветительской функции. Об этом надо прежде всего помнить, а не безудержно хотеть денег и только денег.

— Есть расхожая фраза: «Чем больше общаюсь с людьми, тем сильнее люблю собак». Не этим ли феноменом человеческой психологии объясняется ваша любовь к братьям меньшим? Не являетесь ли вы втайне мизантропом?

— К человечеству в целом я отношусь скептически и считаю, что крокодилы лучше, потому что они нападают, только когда голодны, а люди на протяжении всей многовековой истории занимают в основном только тем, что просто так убивают друг друга. Хотя отдельных людей (и их довольно много) я люблю. Так что все же законченным мизантропом не являюсь. Кроме того, я считаю, что, живя с людьми, надо стараться делать им добро и не ждать ничего взамен.